

пила пора нового сурового осуждения наследия Вольтера и всевозможных цензурных ограничений, связанных с упоминанием его имени в русской печати; эта пора продолжалась с половины 20-х до середины 50-х годов, в течение которых эти запреты обновлялись и усиливались периодически (например, после 1825 г. и в 1848 г.). Наконец, в 70-е годы вспыхнул снова интерес к личности и писаниям Вольтера, вызвавший новые работы русских переводчиков, критиков, историков и отразившийся также в художественной литературе тех лет. Во все указанные периоды русское «вольтерианство» принимало своеобразные, порою весьма причудливые формы как в литературе, так и в быту; оно было не только традиционным увлечением, шедшим по инерции от прошлого столетия, но все время приспособлялось к новым меняющимся формам интеллектуальной и общественной жизни в России этого века.

В 1870 г., руководствуясь той же схемой и не располагая еще сведениями для ее опровержения, журнал «Отечественные записки»³ пытался вовсе отрицать сколько-нибудь серьезное значение Вольтера для русских читателей в XIX столетии.

Однако простой перечень переводов произведений Вольтера на русский язык, сделанных в XIX в., или подражаний им не может дать полного представления о том, чем было русское «вольтерианство» той поры, — сложный и все время видоизменявшийся комплекс умственных тенденций, литературных вкусов и бытовых навыков, безусловно заслуживающих дифференцированного анализа.

Традиционным в XIX в., восходящим к своим истокам в предшествовавшем столетии, был в России интерес к личности Вольтера, проявлявшийся не менее ярко, чем к его писаниям. Интерес этот обусловлен был различными причинами. С одной стороны, Вольтер не был кабинетным писателем, но ярким публицистом, публичными выступлениями которого интересовались не в меньшей степени, чем его писаниями; жизнь Вольтера продолжалась долго, и количество людей, его знавших или с ним враждовавших, было очень велико; к тому же в самой полемике аргументы *ad hominem* в XVIII в. считались наиболее убедительными, и поэтому еще при жизни Вольтера о его человеческих качествах, особенностях или привычках опубликовано было множество самых противоречивых данных. С другой стороны, Вольтер несколько десятилетий нахо-

чал В. В. Сиповский в статье «Из истории русской мысли XVIII—XIX вв. (Русское вольтерианство)» («Голос минувшего», 1914, №1, стр. 114). В этой ценной статье собрано много данных о популярности Вольтера в начале XIX в.; для более позднего времени, однако, указания автора носят случайный, эпизодический характер. Ср.: М. В. Нечкина. Вольтер и русское общество. — В сб.: Вольтер. Статьи и материалы, под ред. акад. В. П. Волгина, М.—Л., 1948, стр. 86—90.

³ См.: «Отечественные записки», 1870, № 6, отд. II, стр. 235 (в рецензии на книгу: Романы и повести Фр. М. Вольтера, перевод Н. П. Дмитриева, СПб., 1870).